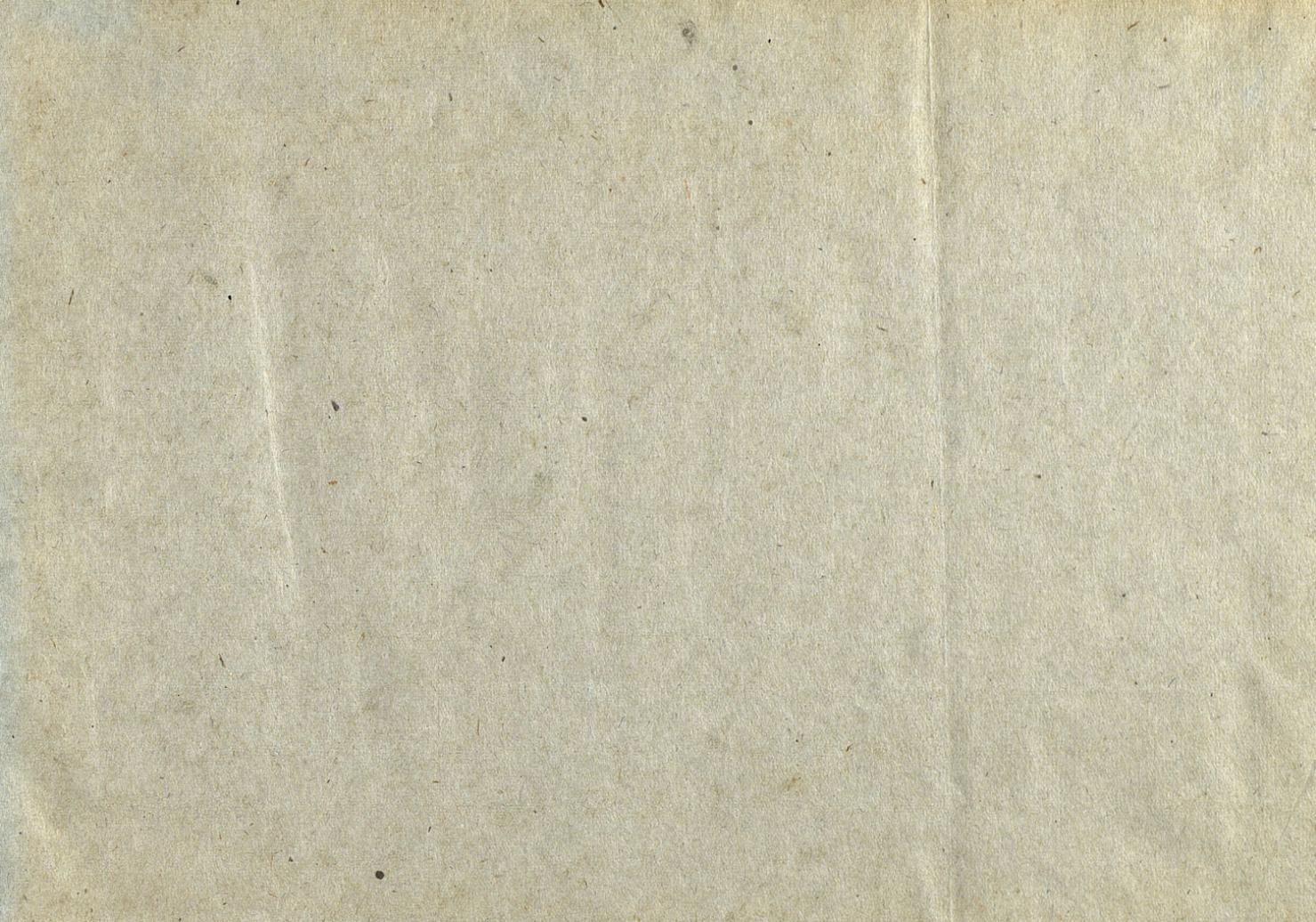
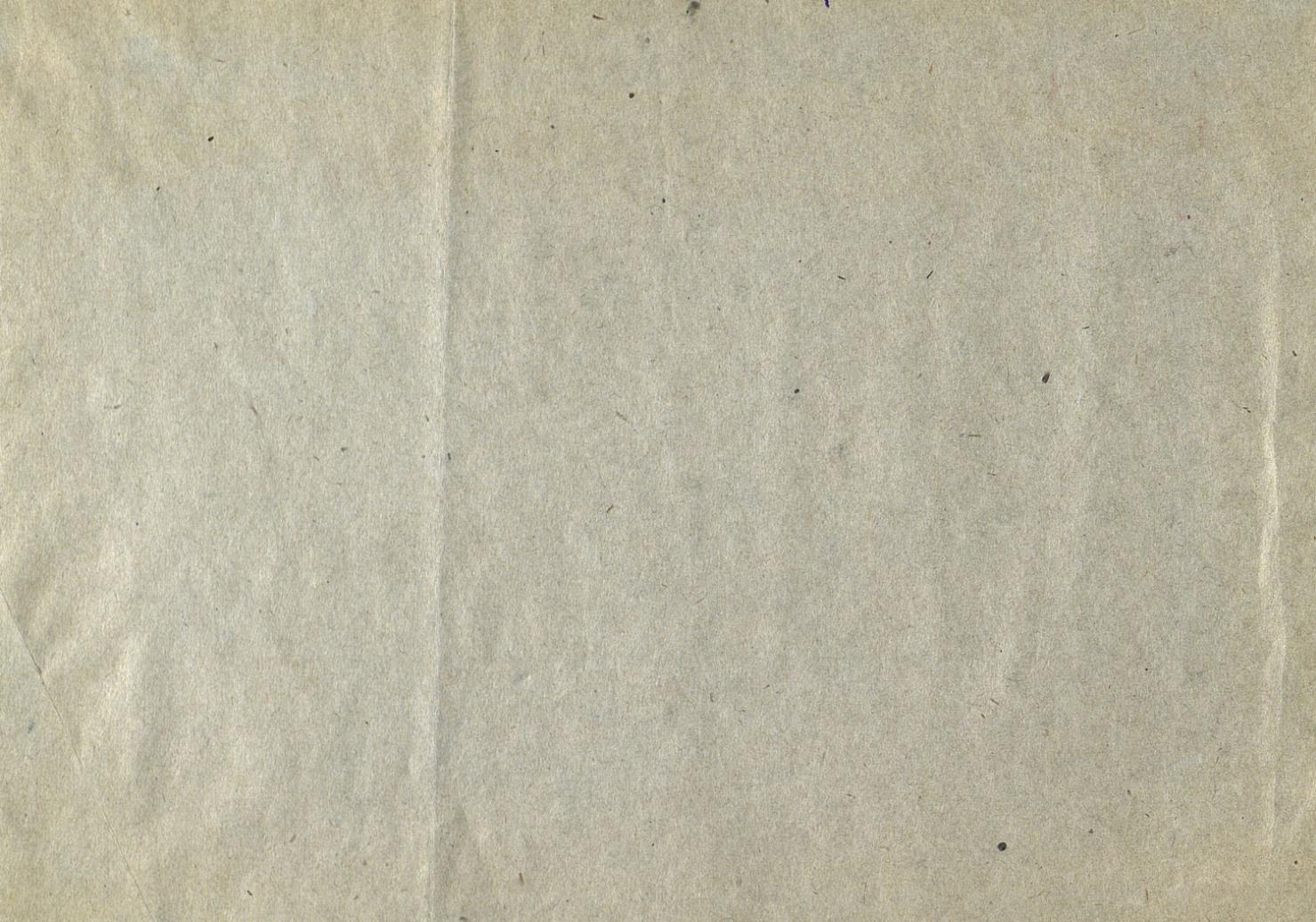

Е $\frac{119}{223}$

Номер
и.с. Тургенева

19
223

Ю М О Р Ъ

222

И. С. ТУРГЕНЕВА

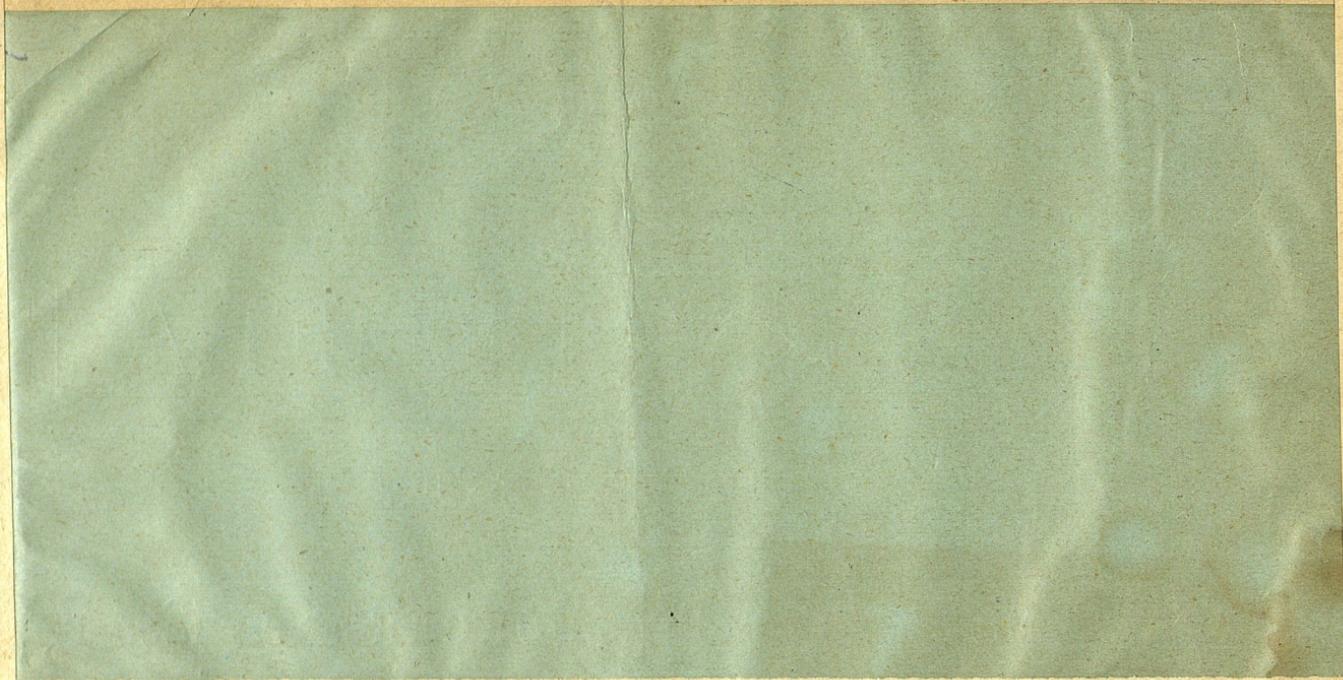
ВЪ РИСУНКАХЪ.

Премія къ журналу „Осколки“ за 1894 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Р. Голице, Спаская улица, д. № 17.

1894.

E 119
223 A

ЮМОРЪ

И. С. ТУРГЕНЕВА

ВЪ РИСУНКАХЪ.

Премія къ журналу „Осколки“ за 1894 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Р. Голикъ,

Спасская улица, д. № 17.

1894.

52
306

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 Октября 1894 г.

20330-40.

Handwritten signature

гдѣ-то далеко въ равнинѣ раздался звонкій голосъ мальчика. — «Антропка! Антропка-а-а!...» кричалъ онъ съ упорнымъ и слезливымъ отчаяніемъ, долго, долго вытягивая послѣдній слогъ.

Онъ умолкалъ на нѣсколько мгновений и снова принимался кричать. Голосъ его звонко разносился въ неподвижномъ, чутко-дремлющемъ воздухѣ. Тридцать разъ, по крайней мѣрѣ, прокричалъ онъ имя Антропки, какъ вдругъ, съ противоположнаго конца поляны, словно съ другого свѣта пронесся едва слышный отвѣтъ:

— Чего-о-о-о-о?

Голосъ мальчика тотчасъ съ радостнымъ озлобленіемъ закричалъ:

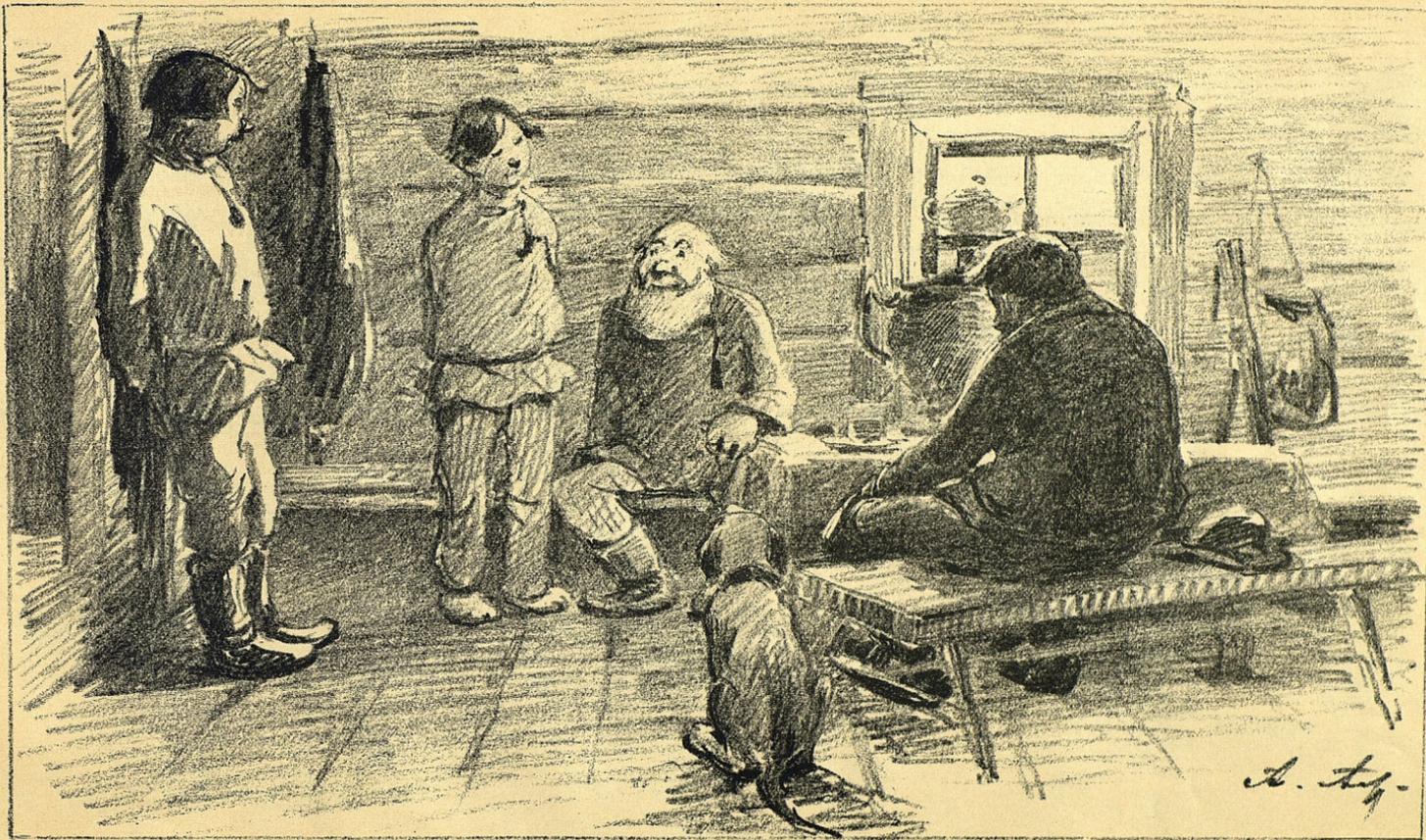
— Иди сюда, чортъ, лѣшій-і-і-й!

— Зачѣ-ѣ-ѣ-ѣмъ? отвѣчалъ тотъ спустя долгое время.

— А за тѣмъ, что тебя тятя высѣчь хочи-и-итъ, поспѣшно прокричалъ первый голосъ.

Второй голосъ болѣе не откликнулся, и мальчикъ снова принялся звать къ Антропкѣ.

— Вонъ, одинъ пострѣлъ не женится, отвѣчалъ онъ, указывая на Федю, который попрежнему прислонился къ двери.— Васька, тотъ еще молодъ, тому погодить можно.

— А что мнѣ жениться? возразилъ Одея.—Мнѣ и такъ хорошо. На что мнѣ жена? Лаяться съ ней, что ли?

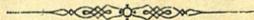
— Ну, ужъ ты... ужъ я тебя знаю! Кольца серебряныя носишь... Тебѣ бы все съ дворовыми дѣвками нюхаться... «Полноте, безстыдники!», продолжалъ старикъ, передразнивая горничныхъ.—Ужъ я тебя знаю, бѣлоручка ты этакой!

— А въ бабѣ-го что хорошаго?

— Баба—работница, важно замѣтилъ Хорь.—Баба мужику слуга.

— Да на что мнѣ работница?

— То-то, чужими руками жаръ загребать любишь. Знаемъ мы вашего брата.

Тревожное волнение видимо распространялось по селу. Бабы въ клѣтчатыхъ паневахъ швыряли

щепками въ недогадливыхъ или слишкомъ усердныхъ собакъ; хромой старикъ съ бородой, начинавшейся подъ самыми глазами, оторвалъ недопоенную лошадь отъ колодца, ударилъ ее, неизвестно за что, по боку, а тамъ ужъ поклонился. Мальчишки въ длинныхъ рубашенкахъ съ воплемъ бѣжали въ избы, ложились брюхами на высокій порогъ, свѣшивали головы, закидывали ноги кверху и такимъ образомъ весьма проворно перекатывались за дверь, въ темныя сѣни, откуда уже и не показывались. Даже курицы стремились ускоренной рысью въ подворотню; одинъ бойкій пѣтухъ съ черной грудью, похожей на атласный жилетъ, и краснымъ хвостомъ, закрученнымъ на самый гребень, остался-было на дорогѣ и уже совсѣмъ собрался кричать, да вдругъ сконфузился и тоже побѣжалъ.

опять удочку.—И душа тоже добрая. Побьетъ, бывало, тебя,—смотришь, ужъ и забылъ. Одно: матресокъ держалъ. Охъ, ужъ эти матрески, прости Господи! Онѣ-то его и раззорили. И, вѣдь, все больше изъ низкаго сословія выбиралъ. Кажется, чего бы имъ еще? Такъ нѣтъ—подавай имъ что ни на есть самага дорогаго въ цѣлой Европіи! И то сказать: почему не пожить въ свое удовольствіе,—дѣло господское... да раззоряться-то не слѣдъ.

Ермолай и мельничиха.

Ермолай былъ человекъ пристраднаго рода: беззаботенъ, какъ

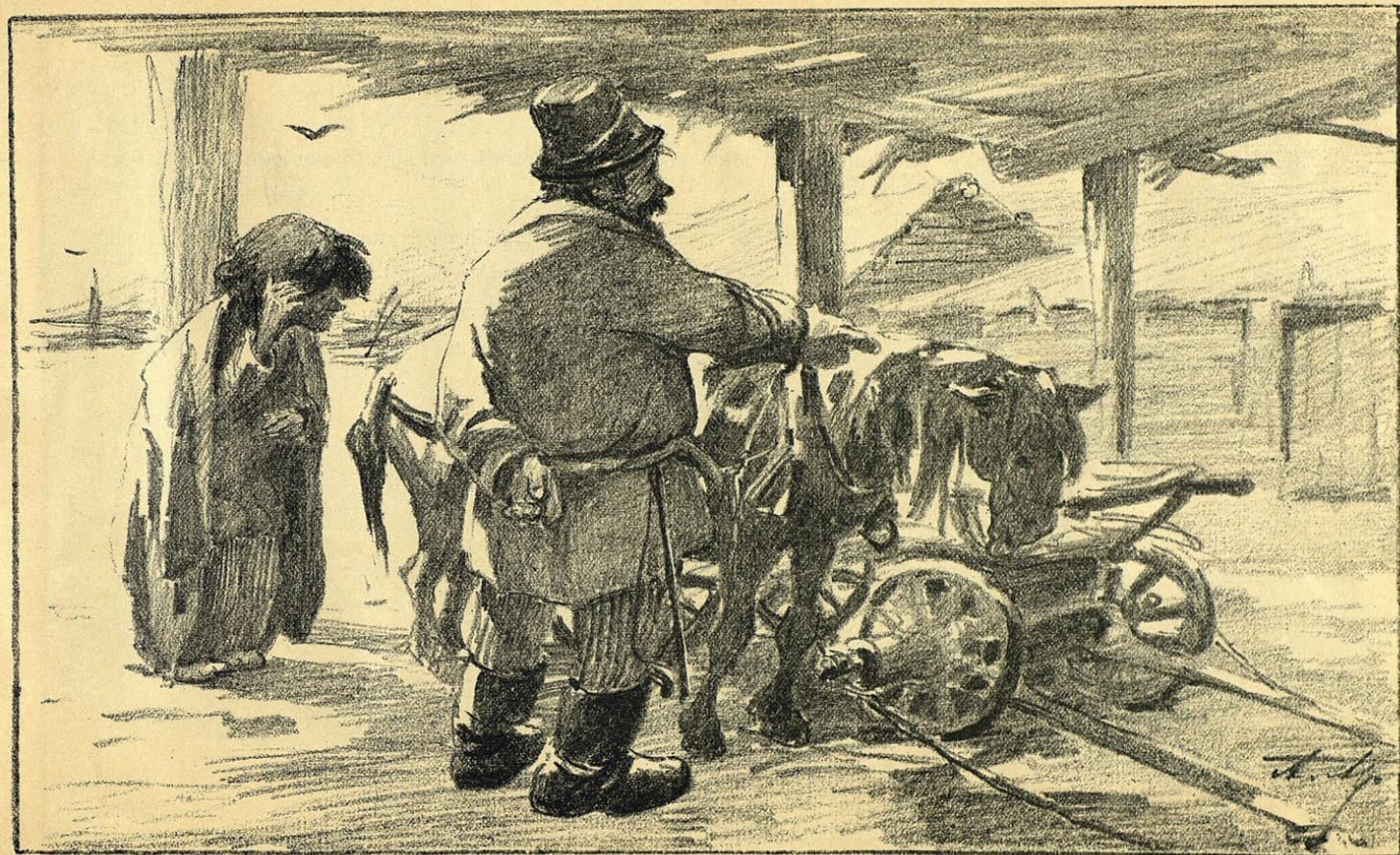
птица, довольно говорливъ, разсѣянъ и неловокъ съ виду; сильно любилъ выпить, не уживался на мѣстѣ, на ходу шмыгалъ ногами и переваливался съ боку на бокъ,—и, шмыгая и переваливаясь, улепетывалъ верстъ пятьдесятъ въ сутки. Онъ подвергался самымъ разнообразнымъ приключеніямъ: ночевалъ въ болотахъ, на деревьяхъ, на крышахъ, подъ мостами, сиживалъ не разъ взаперти на чердакахъ, въ погребахъ и сараяхъ, лишался ружья, собаки, самыхъ необходимыхъ одѣяній, бывалъ битъ сильно и долго,—и все-таки, черезъ нѣсколько времени, возвращался домой, одѣтый, съ ружьемъ и съ собакой.

- Чего?
- Что ты дѣлаешь тутъ?
- А сторожемъ сижу.
- Да что ты стережешь?
- А горохъ.
- Я не могъ не разсмѣяться.
- Да, помилуй,—сколько тебѣ лѣтъ?
- А Богъ знаетъ.
- Чай, ты плохо видишь?
- Чего?
- Видишь плохо, чай?
- Плохо. Бываетъ такъ, что ничего не слышу.
- Такъ гдѣ-жъ тебѣ сторожемъ-то быть, помилуй?
- А про то старшіе знаютъ.

— А на чемъ же вы на сѣчки поѣдете?.. Въ эти оглобли нашу лошадь не впряжешь: наши лошади большія,—а это что такое?

— А не знаю, отвѣчалъ Касьянъ,—на чемъ вы поѣдете; развѣ вотъ на этомъ животикѣ, прибавилъ онъ со вздохомъ.

— На этомъ-то? подхватилъ Ерофей и, подойдя къ касьяновой кляченкѣ, презрительно ткнулъ ее третьимъ пальцемъ правой руки въ шею.— Ишь, прибавилъ онъ съ укоризной,—заснула ворона!

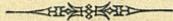

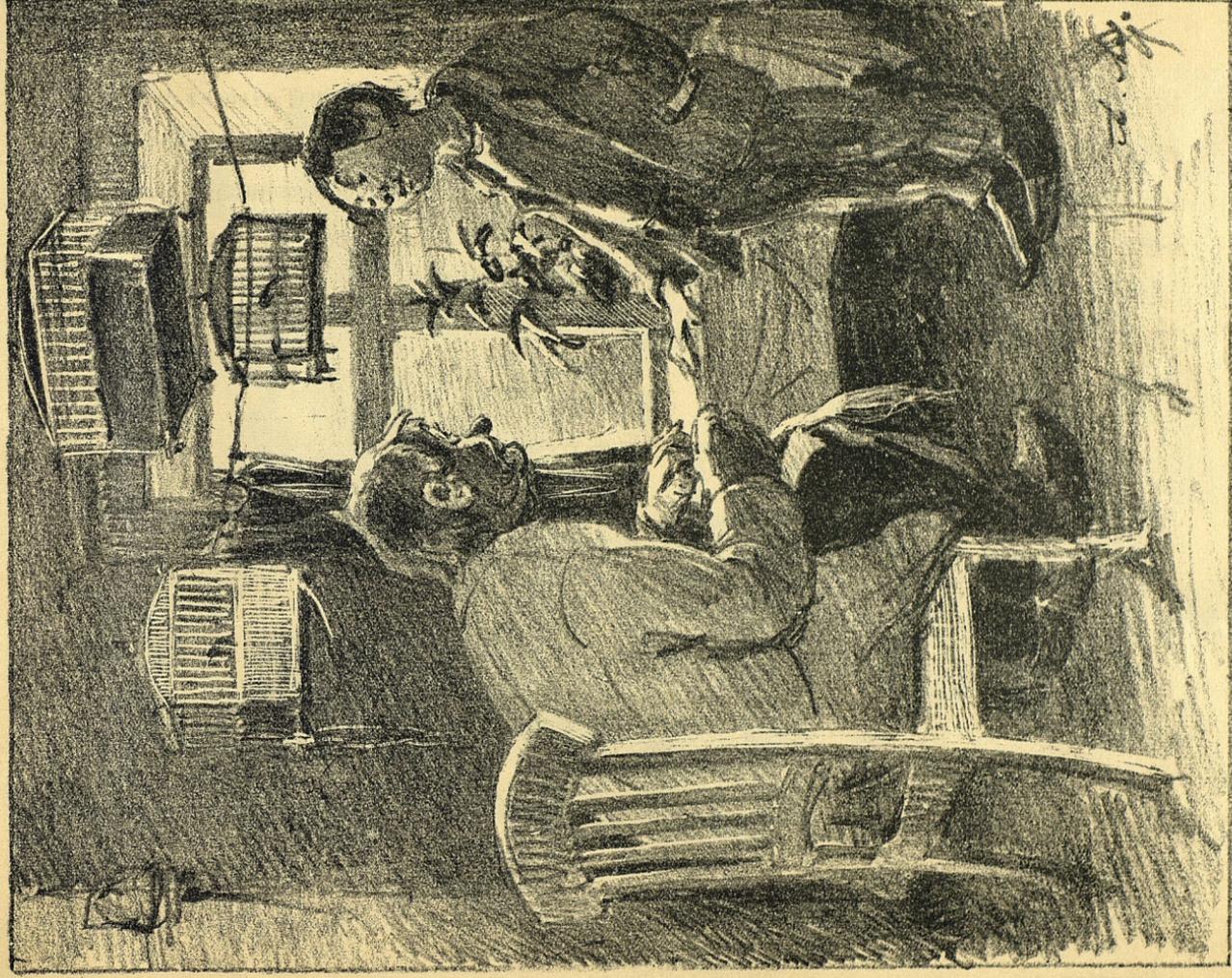
ВѢТЬЯНА ВОРІСОВНА И ЕЯ ПЛЕМЯНИКЪ.

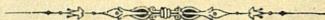
Зажился нашъ Андрей Ивановичъ у тетушки: даровой хлѣбъ, видно, по вкусу пришелся. На

гостей нагонялъ онъ тоску смертельную. Сядетъ, бывало, за фортопяны (у Татьяны Борисовны и фортопяны водились) и начнетъ однимъ пальцемъ отыскивать «Тройку удалую»; аккорды беретъ, стучить по клавишамъ; по цѣлымъ часамъ мучительно завываетъ романсы Варламова: «Уединенная сосна», или: «Нѣтъ, докторъ, нѣтъ, не приходи», а у самого глаза заплыли жиромъ и щеки лоснятся, какъ барабанъ... А то вдругъ грянетъ: «Уймись волненія страсти»... Татьяна Борисовна такъ и вздрогнетъ.

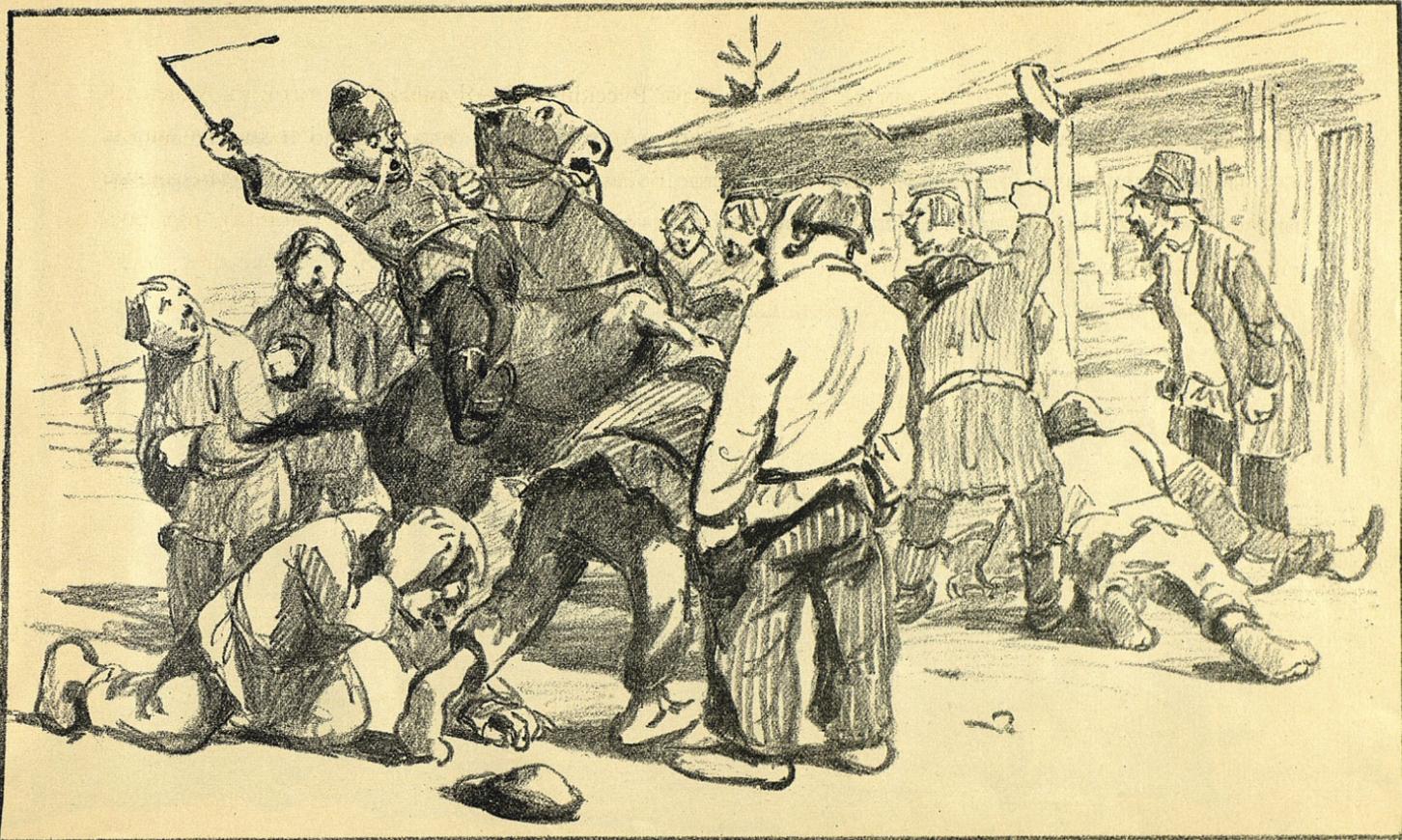

Что дамъ?.. Ничего я тебѣ не дамъ... Вѣдь ты кто? Русскій ты?—Я амчанинъ, тятя: въ Амченскѣ родился.—О, глупая голова! Да Амченскъ-то гдѣ?—А я почему знаю?—Въ Россіи Амченскъ, глупый!—Такъ что жъ, что въ Росси?—Какъ, что? Бонапартишку-то его свѣтлѣйшество покойный князь Михаилъ Илларионовичъ Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, съ Божіею помощью, изъ російскихъ предѣловъ выгнать изволилъ. По этому случаю и пѣсня сочинена: «Бонапарту не до пляски, растерялъ свои подвязки»... Понимаешь: отечество освободилъ твое.— А мнѣ что за дѣло?

КОНЕЦЪ ГЕРТОПХАНОВА.

Чертотхановъ гикнулъ, вытянулъ лошадь нагайкой по шеѣ, помчался прямо на толпу и, ворвавшись

въ нее, началъ той же самой нагайкой безъ разбору лупить мужиковъ направо и налѣво, приговаривая прерывистымъ голосомъ:—Само...управство! Само...у...правство! Законъ долженъ наказывать—а не част...ны.. я ли...ца! Законъ! Законъ! За...ко...онъ!!!

— Ага! Пожаловаль! проворчалъ маіоръ, искоса вскинувъ на Пѣтушкова свои оловянные

глазки и не трогаясь съ мѣста.—Ну-ка, садитесь; ну-ка, я васъ хорошенько. Я ужъ давно до вашего брата добирался... да.

Пѣтушковъ опустился на стулъ.

— Потому, заговорилъ маіоръ съ неожиданнымъ порывомъ всего тѣла,—вѣдь вы офицеръ; такъ ужъ и вести себя надо, какъ приказано. Коли бы вы были солдатъ—я бы просто выпоролъ васъ—да и шабашъ; а то вы офицеръ. На что это похоже? Срамится—развѣ это хорошо?

— Позвольте узнать, къ чему ведутъ сіи намеки,—началъ было Пѣтушковъ...

— А у меня не разсуждать! Я это смерть не люблю. Сказано: не люблю; ну, и все тутъ! Вонъ, у васъ и крючки не по формѣ; что за срамъ! Сидитъ день-деньской въ булочной, а еще благородный! Юбка тамъ завелась—вотъ, онъ и сидитъ. Ну, пусть бы ее, юбку, къ чорту! А то, говорить, самъ хлѣбъ въ печь сажаетъ. Мундиръ мараетъ... да.

— Держи свѣчку передъ своею грудью, говорилъ Егоръ Капитонычъ жалобнымъ голосомъ, —

держи такъ, чтобы я лицо твое могъ видѣть. Состарѣлъ ты меня, состарѣлъ, безсовѣстный ты человекъ, состарѣлъ совершенно.

— Да чѣмъ, помилуйте, состарѣлъ я васъ, Егоръ Капитоновичъ? послышался глухой и заспанный голосъ слуги.

— Чѣмъ? Я скажу чѣмъ. Сколько разъ я тебѣ говорилъ: Митька, говорилъ я тебѣ, когда ты со мной куда въ гости поѣдешь, всегда забирай по двѣ штуки каждаго платья, особенно.. держи свѣчку передъ грудью... особенно нижняго. А сегодня что ты со мной сдѣлалъ?

— Что-съ?

— Что-съ? Завтрашній день что я надѣну?

— Да то-же, что и сегодня-съ.

— Состарѣлъ ты меня, злодѣй, состарѣлъ. Я ужъ и сегодня не зналъ, куда отъ жары дѣться. Держи свѣчку передъ грудью, говорятъ тебѣ, да не спи, когда баринъ съ тобой бесѣдуетъ.

Не успѣли новые знакомцы обмѣняться и полусотней словъ, — какъ уже замелькали передъ

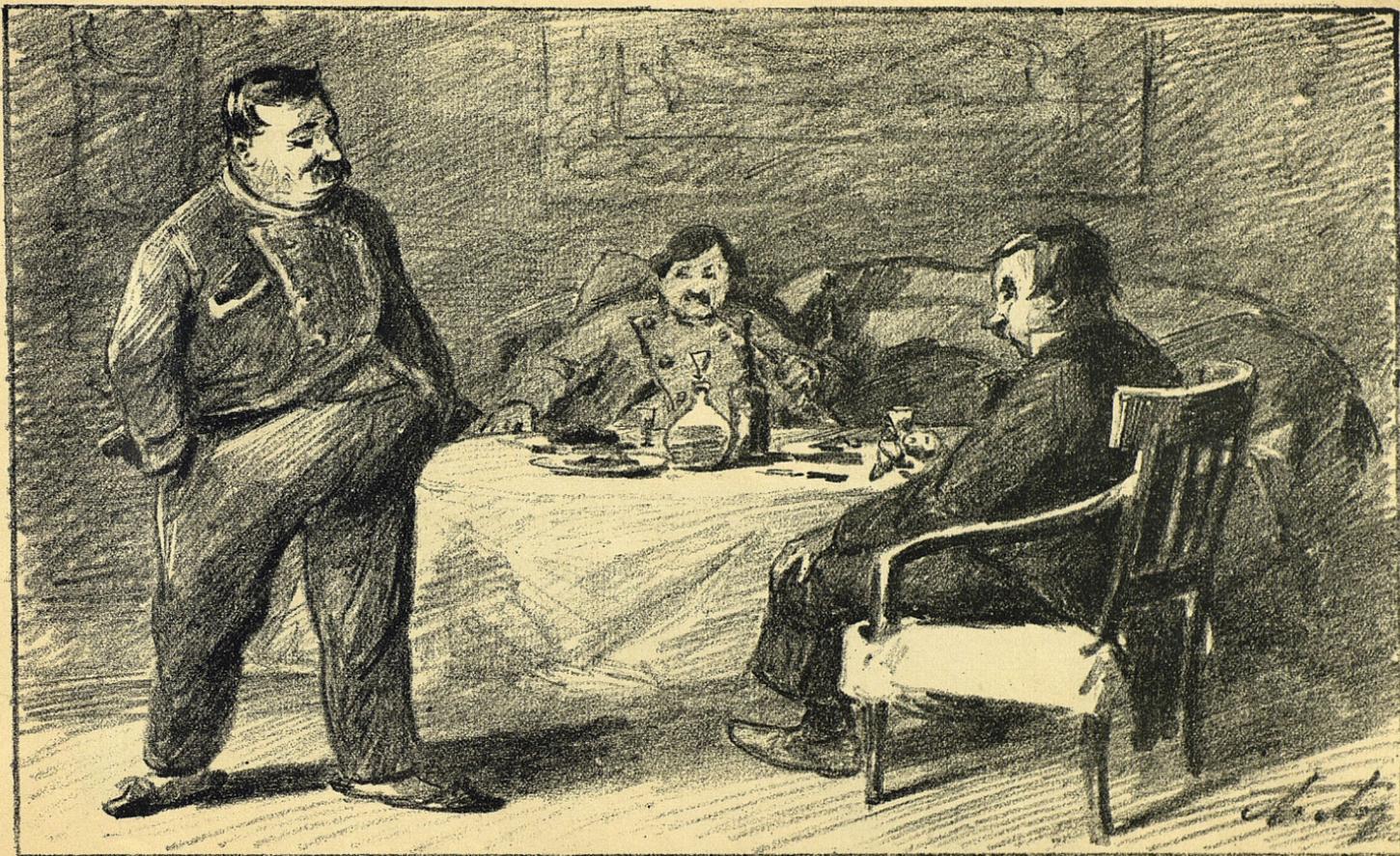
ними дрянные подгородные мѣшанскіе домишки съ продавленными тесовыми крышами, съ тусклыми пятнами свѣта въ переувлажненныхъ окошкахъ; а тамъ загремѣли подъ колесами камни губернской мостовой, тарантасъ запрыгаль, заметался изъ стороны въ сторону... и, подпрыгивая при каждомъ толчкѣ, поплыли мимо глупые каменные двухъ-этажные купеческіе дома съ фронтонами, перкви съ колоннами, трактирныя заведенія.... Дѣло было подѣ воскресенье; на улицахъ уже не было прохожихъ, но въ кабакахъ еще толпился народъ. Хриплые голоса вырывались оттуда, пьяныя пѣсни, гнусливые звуки гармоникъ; изъ внезапно раскрытыхъ дверей било грязнымъ тепломъ, ѣдкимъ запахомъ спирта, краснымъ отблескомъ ночниковъ. Почти передъ каждымъ кабакомъ стояли крестьянскія телѣжки, запряженныя мохнатыми, пузатыми клячами; покорно понутивъ кудластыя головы, онѣ, казалось, спали; растерзанный, распоясанный мужикъ въ пухлой зимней шапкѣ, свѣсившейся мѣшкомъ на затылокъ, выходилъ изъ кабака—и, прислонившись грудью къ оглоблямъ, пребывалъ недвижимъ, что-то слабо ощупывая и разводя шаря руками; или худощавый фабричный въ картузѣ набекрень, съ выпущенной китайчатой рубахой и босой—сапоги-то остались въ заведеніи—дѣлалъ нѣсколько нерѣшительныхъ шаговъ, останавливался, чесалъ спину—и, внезапно ахнувъ, возвращался вспять....

Лошадей у Субачевыхъ было только двѣ, древнія, сѣдластыя, косматыя; на одной отъ старости

даже бѣлыя пятна выступили; звали ее Недвигой. Закладывались онѣ — много-много разъ въ мѣсяцъ — въ необычайный, всему городу извѣстный экипажъ, представлявшій подобіе земного глобуса, съ вырѣзанной впереди четвертою частью и обитый снаружи заграничною толстою матеріей, сплошь усыянной крупными пупырушками въ видѣ бородавокъ. Послѣдній аршинъ этой матеріи былъ вытканъ въ Утрехтѣ или Лионѣ еще во времена Императрицы Елизаветы! Кучеръ у Субачевыхъ былъ чрезвычайно древній, пропитанный запахомъ ворвани и дегтя старикъ; борода начиналась у него близъ самыхъ глазъ—а брови падали маленькими каскадами на бороду. Онъ до того былъ медлителенъ во всѣхъ своихъ движеніяхъ, что употреблялъ цѣлыхъ пять минутъ на понюшку табаку, двѣ минуты на то, чтобы заткнуть кнутъ за поясъ, и два часа слишкомъ на то, чтобы заложить одну Недвигу. А звали его Перфишкой. Если Субачевымъ случалось выѣзжать и экипажу приходилось хоть чуточку подниматься въ гору—то они непремѣнно пугались—(спускаясь съ горы, они, впрочемъ, тоже пугались) — цѣплялись за каретные ремни и твердили оба вслухъ: «Конямъ—конямъ.... сила Самуила; — а мы—а мы, легче пуха, легче духа»...

Въ коротенькомъ зайчемъ тулупчикѣ и въ туфляхъ безъ задковъ, заложивъ руки въ карманы

шароваръ, ходилъ онъ по цѣлымъ днямъ изъ угла въ уголь, то напѣвая, то насвистывая, и, что бы ему ни говорили, съ улыбкой на все отвѣчалъ: «брау, брау!» то-есть: bravo, bravo!

— Знаете ли что, Степанъ Петровичъ, говорилъ ему, на примѣръ, захавшій сосѣдъ,— а сосѣди охотно къ нему заѣзжали, потому что хлѣбосольствѣе и радушнѣе его не было человѣка на свѣтѣ:— знаете ли, говорятъ, въ Бѣлевѣ цѣна на рожь дошла до 13 рублей ассигнаціями.

— Брау, брау! спокойно отвѣчалъ Барсуковъ, который только-что продалъ ее по семи съ полтиной.

— А слышали вы, сосѣдъ вашъ Павелъ Омичъ двадцать тысячъ въ карты проигралъ?

— Брау, брау, также спокойно отвѣчалъ Барсуковъ.

— Въ Нелыховѣ падежъ, замѣчалъ тутъ же сидѣвшій другой сосѣдъ.

— Брау, брау!

— Лапина барышня съ управителемъ сбѣжала...

— Брау, брау, брау!

И такъ безъ конца...

Шубинъ уставиля на него.— Осмѣлюсь спросить у васъ, почтенный витязь, началъ онъ

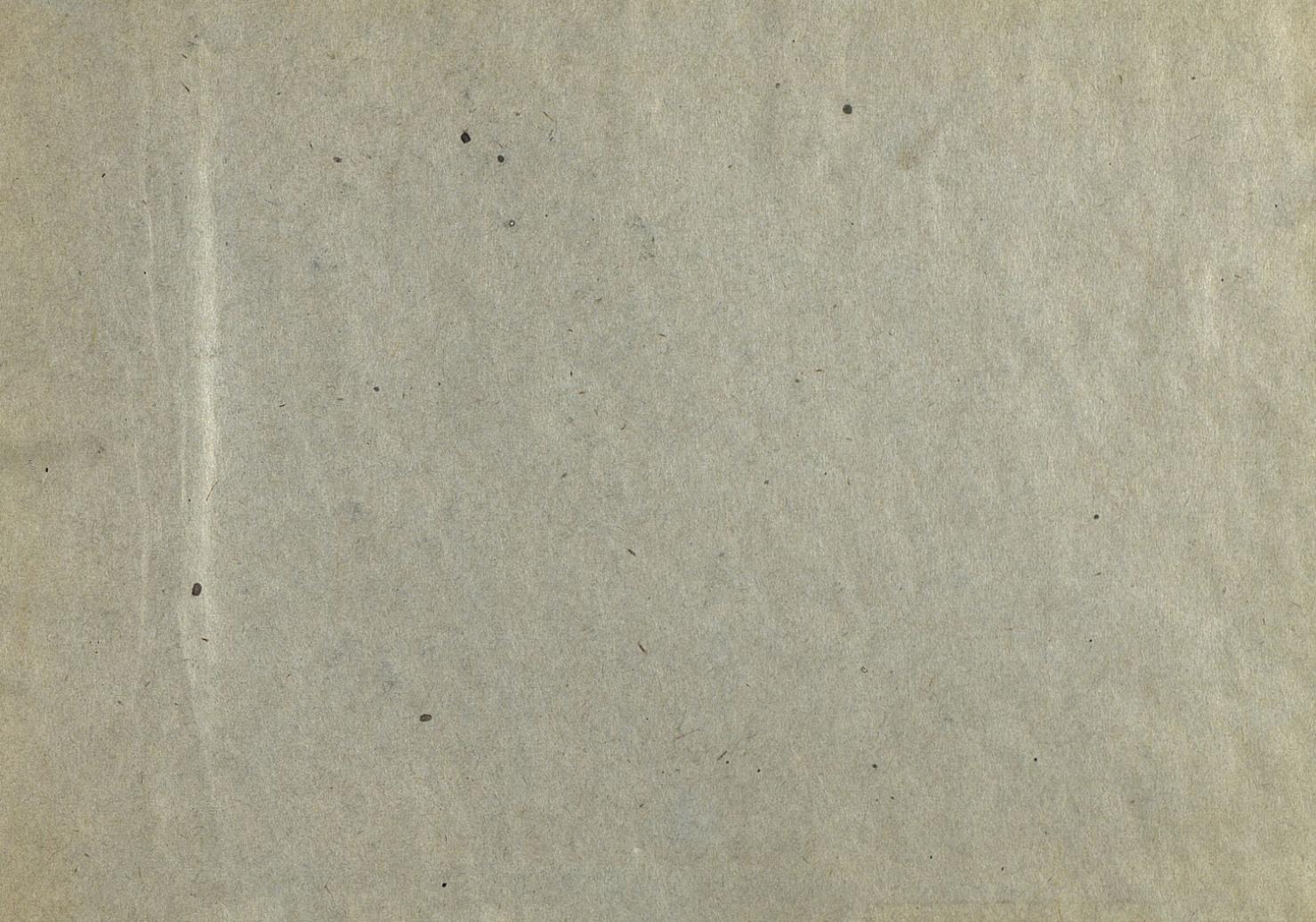
подобострастнымъ голосомъ:—эти загадочныя слова вы изволили произнести вслѣдствіе какого-либо соображенія вашей мыслительной способности, или же подѣ наитіемъ мгновенной потребности произвести сотрясеніе въ воздухѣ, называемое звукомъ?

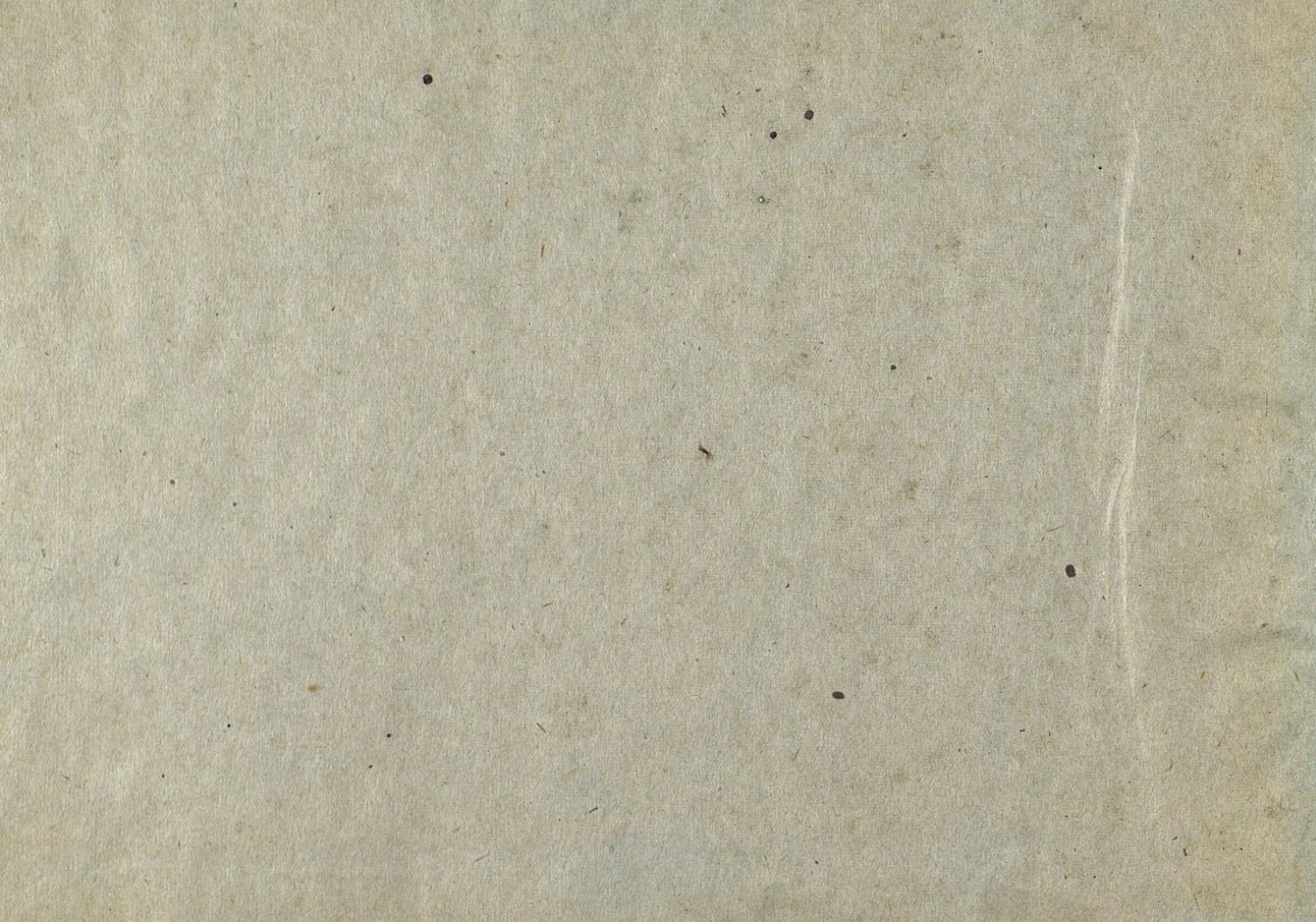
— Не искушай, говорятъ, простоналъ Уваръ Ивановичъ...

Шубинъ засмѣялся и выбѣжалъ вонъ.—Эй, воскликнулъ, четверть часа спустя, Уваръ Ивановичъ:—того.... рюмку водки.

21

2010515578